

Проблема языка в философии Ж. Делеза: субъективность и ее отсутствие

Философия Ж. Делеза представляет собой хорошо проработанную систему понятий. Сам французский мыслитель говорит о выбранных им в качестве основных понятиях как о концептах, отсылая тем самым к уже ставшей классической для философии проблеме взаимоотношения мышления и языка. Однако проблема языка традиционно считается отнюдь не делезианской темой: в отличие от своих соотечественников – таких, как Ж. Деррида и Р. Барт, – он действительно не уделяет пристального внимания феномену языка в целом и идее языковой обусловленности реальности (а также познания) в частности. Другими словами, кажется, будто «лингвистический поворот» в философии прошел мимо Ж. Делеза.

Однако вслед за Ж.-Ж. Лесерклем можно утверждать, что «мы не находим в работах Делеза явной теории языка, ни одной книги, посвященной вопросу о языке; но мы находим теорию значения (в «Логике смысла»), теорию поэтического языка и стиля (более явно в «Критике и клинике»), теорию прагматики (в «Тысяче плато»)» [1]. И, несмотря на то, что Ж. Делез с подозрением относился к проекту обоснования языковой природы реальности и, как следствие, любых гносеологических построений, он все же стремился разработать определенную концепцию языка, которая бы отличалась от привычного представления о разделении между содержанием мышления и его языковым выражением.

Примечательным в этом отношении является признание самого мыслителя в одном из его интервью о философии М. Фуко: «На меня сильное влияние оказала его теория высказывания, потому что она подразумевает концепцию языка как гетерогенного ансамбля в состоянии неравновесия и позволяет мыслить образование новых типов высказываний во всех областях» [2]. Описание

подобной концепции он совместно с Ф. Гваттари представил в «Тысяче плато». Образ языка как гетерогенной неравновесной системы преодолевает структуралистские тенденции в лингвистических исследованиях. Язык не предстает единой структурой, обладающей центральной осью, по обеим сторонам которой «развешиваются» противоположные термины. Скорее, он лишается своего внутреннего сущностного единства, расщепляется, дробится на части и описывается как совокупность сборок, характерных для конкретных культурных сообществ разных эпох.

Отсылая к работам Э. Бенвениста и О. Дюкро, Ж. Делез пишет о том, что рассмотрение языка как знаковой системы, репрезентирующей неязыковую и незнаковую реальность, устарело. Слова языка не столько сообщают нам информацию о внешнем мире, сколько передают нам слова, которые, в свою очередь, передают другие слова, и т. д.: язык, по выражению Ж. Делеза и Ф. Гваттари, подобен карте, а не кальке с реальности, существующей независимо от языка. И в этом моменте французский мыслитель сближается с Дж. Остином, указывая на то, что выделение такого типа высказываний как перформативы – сама суть которых отражает специфику взаимоотношения мысли, языка и действия, определяемую социальным контекстом, – помогает по-новому взглянуть на феномен языка.

Этот новый взгляд Ж. Делез связывает с преодолением разграничения между прямой и косвенной речью, что ведет к ответу на вопрос о субъективности (в частности о субъективности в языке): «Именно язык целиком является косвенной речью. Косвенная речь, или косвенный дискурс, никоим образом не предполагает прямого дискурса, скорее, именно последний извлекается из первой в той мере, в какой действия означивания и процесс субъективации в сборке оказываются распределенными, предписанными и назначенными, или именно переменные такой сборки входят в постоянные отношения, хотя бы и временно» [3].

Когда мы говорим о подобных языковых сборках, нам не нужно использовать понятие субъекта. Описывая функционирование языковой

реальности, достаточно определить набор высказываний, характерных для той или иной социокультурной группы, и указать, каким образом эти высказывания могут воспроизводиться и распространяться. Представление об индивиде, который обучается языку, и, согласно традиционному взгляду, выражает с его помощью свои личные убеждения (т. е. приобретает языковую субъективность), оказывается пустой абстракцией. Так как язык по своей природе является социальным, то представление о субъекте как о самостоятельно действующем агенте начинает исчезать.

Субъективность – это конструкт, который формируется в результате включенности индивида в языковую сеть. Мы не выражаем своих внутренних мыслей, мы воспроизводим наподобие магнитофона или любого другого записывающего устройства слова, услышанные от других. И даже если мы не желаем отказываться от представления о внутренне присущих индивиду мыслях, то мы все равно вынуждены прийти к выводу о том, что сами эти, казалось бы, внутренние мысли формируются посредством языка и, соответственно, тоже обладают социальным характером.

Ж. Делезу было важно подчеркнуть, что то, что мы привыкли ассоциировать со своей самостью, субъективностью или личностью, на самом деле является продуктом дискурса. Это не значит, что французский мыслитель отказывается от понятия субъективности при разработке своей философии, это лишь указывает на то, что субъективность в онтологическом смысле для него отсутствует. Коллективные сборки высказываний, которые нуждаются в носителе только для того, чтобы воспроизводиться вновь и вновь, поглощают субъективность. Косвенная речь – речь других – это и есть речь прямая.

Литература

1. *Lecerclé J.-J. Deleuze and Language*. New York, 2002. С. 2–3.
2. *Делез Ж. Переговоры*. СПб., 2004. С. 195–196.
3. *Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения*. Екатеринбург ; М., 2010. С. 140.